

ПІРЯТИНСЬКОМУ 60

Пугачівка, 6

Спеціальний випуск
22 листопада 2015 року

Спасибо, Юра!

Воспоминания — вещь коварная. Что-то ушло из памяти совсем, и это приходится домысливать заново. Что-то не очень приятное, хочется приукрасить. Но есть такие яркие воспоминания, про которые говорят; «Помню, как сейчас». Так вот это про Пирю, про Юру Пирятинского, про Юрия Брониславовича...

Людмила Фроловна Иванова, заместитель директора гимназии № 1505 в 1994 — 2004 гг.

Он всегда был в курсе всего, что происходило. И если у кого-то случалось что-то плохое, он был неподалеку, помогал незаметно, но очень уместно и очень талантливо

Мы были знакомы какие-то лет десять... Миг, с точки зрения истории, но миг чудесный. Как сейчас помню его удивительную способность делать приятное. То карандашик — удивительно тонко заточенный, то какая-нибудь мелочь, но очень вовремя, очень кстати. Про баночку соленых грибочков, сделанную им самолично в его знаменитой деревне — это отдельная песня, незабываемая. Спасибо, Юра.

По большому счету, это черта настоящего интеллигента: не доставлять неудобств и вовремя оказываться рядом, как бы невзначай. Он, конечно, был неординарным интеллигентом. Внешне порой грубоватый, он никогда по большому счету не подставлял никого, ни учеников, ни коллег. Ему можно было доверить секрет. Его юмор был порой едким, но всегда тонким.

Он умел ценить и чужой юмор. Так он с явным восхищением и показным негодованием демонстрировал объяснительную записку, написанную своим тогдашним учеником Мишей Гринбергом (выпуск 2003 года. — «Пугачёвка»). Миша был изгнан

из класса за то, что осмелился указать Пирятинскому на, что упражнение № такой-то класс уже выполнял. Объяснительная была изуверски вежливая и смешная. А ворчание его было беззлобным, хотя на учеников он действовал как змей на кроликов. Но с ним дружили и самые отпетые из прошлой 388-й и самые-самые из 1505-й, особенно после того, как становились старше и мудрее.

Еще, как сейчас, помню его манеру вроде бы не присутствовать на наших традиционных в те времена шумных посиделках-рефлексиях по субботам. При этом уметь сказать что-то самое важное в то время, когда шум утих, а мысли еще витают вокруг.

Он помогал, вроде бы, не участвуя и даже внешне изображая противника разных новаций. Он намеренно подчеркивал свой учительский традиционализм, будучи, действительно, хранителем традиций — очень нужных в вихрях тогдашнего новаторства и реформаторства.

Одни только его удивительные оценки (колы с немислимым количеством минусов) дорогого стоили. Ему не хватало 5-балльной системы

Вечером он приходил в учительскую со стопкой тетрадок и красной ручкой

для выражения своего негодования от невежества или небрежности. Он, конечно, перебарщивал, он конечно, увлекался. Это была его большая игра большого ребенка. Он играл в строгого учителя и играл очень увлеченно и талантливо. Он всегда был в курсе всего, что происходило. И если у кого-то случалось что-то плохое, он был неподалеку, помогал незаметно, но очень уместно и очень талантливо. Знал он очень много, никогда не был сам доволен и стремился узнать еще больше, не афишируя этого.

Он любил путешествовать, возил свои классы по своим любимым местам. Всегда тщательно готовился, до самых мелочей все продумывал и предвидел, и очень забавно суетился по этому поводу. Я многому у него училась, сама себе не отдавая в этом отчета. В моих поездках мне его опыт во многом помогал. Никогда не забуду, Юра!

Пирятинский был человеком любопытным (в разных смыслах слова): и ему

все было интересно, и он сам был очень интересным. С ним было интересно говорить, его было интересно слушать, на него было интересно смотреть. Мы часто трепались в учительской, когда он приходил вечером со своей стопкой тетрадок и красной ручкой. Он готовился к таинству: вот сейчас уйдут лишние из его царства — гимназии и ночью он тут самый главный. Он и был самым главным, Домовым, Хранителем, Учителем, Повелителем. Не буду мешать, Юра!

У нас дома на Наримановской он с любопытством рассматривал книги. И по тому, как он это делал, было видно, что он книжный человек, что он моей веры, веры в силу печатного слова. При этом он не очень принимал всякую технику, и в этом он смысле был человеком века XIX, моего самого любимого. Он любил вещи с историей.

Однажды он привез нам с Владимиром Федоровичем прялку из своей легендарной

деревни. Со словами, что это, мол, — вам как историку техники. Эта прялка стоит у нас дома. Иногда, проходя мимо, дотрагиваюсь до теплого дерева, как будто до теплой руки щедрого человека. Привет, Юра!

Круг его общения был очень широк, а круг близких — ограничен. Хотелось бы надеяться, что мне повело быть среди вторых, хотя и не долго. Жизнь сложилась так, как сложилась, непросто. Но каждому дано столько, сколько он может выдержать. Он ушел рано, но для него время уходить, видимо, настало. Его не забудут долго, пока будут живы его ученики. И я буду помнить его всегда, столько, сколько мне осталось.

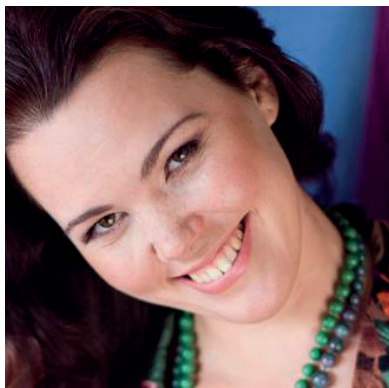
До встречи, Юра!

Иногда, проходя мимо подаренной им прялки, дотрагиваюсь до теплого дерева, как будто до теплой руки щедрого человека

Метод Пирятинского

Всё это время Юрий Брониславович хотел научить нас не бояться, а бороться.

Ксения Пожарская, выпуск
1998 года

Он готовил нас к непростой и не всегда справедливой «взрослой» жизни. Пусть несколько эпатажно, но очень доходчиво развивал в нас личностей

Вы помните всех своих учителей? А по имени-отчеству? Если вы закончили школу более десяти лет назад, многие лица и имена неизбежно стираются из памяти. К счастью это или нет, судить не мне. Но есть люди и личности, чьи имена ничто не способно стереть: ни новые люди, ни жизненные обстоятельства, ни сама жизнь. Таким человеком и Учителем с большой буквы для меня был и является Юрий Брониславович Пирятинский...

Вспоминая ЮБ, я пытаюсь понять: в чём его секрет? Как человек, внушавший страх и трепет не только мне, многим моим одноклассникам, другим гимназистам, но даже нашим родителям, которые не спешили посещать кабинет Пирятинского во время родительских собраний, умел воспитать такое удивительное уважение к русскому языку и научить грамоте даже самых, казалось бы, безнадежных? Был ли метод его преподавания связан с гипнотическим состоянием аффекта, в который многие из нас впадали в ожидании вызова к доске? Или никто не мог устоять под напором его требовательности, боясь быть опозоренным на весь класс за незнание элементарных вещей? Но если кто-то и мог не ответить на его уроках, то только по

причине крайней растерянности, непреднамеренной неспособности выучить урок до конца или внезапной смерти, которой на моей памяти, к счастью, не случилось.

Не могу сказать, что моими оценками по русскому языку можно было гордиться. И уж точно русский не был моим любимым предметом. Будучи впечатлительной барышней, каждый урок был для меня сродни американским горкам. Особенно в те незабываемые моменты, когда ЮБ, держа в руках классный журнал, долго водил пальцем по списку наших фамилий и протяжно произносил: «К доске пойдет, пожа-а-алуйста...». Стоит ли говорить, что благодаря моей пламенной фамилии (Пожарская) это пробуждало во мне всю палитру непередаваемо острых ощущений?

Не то, чтобы я была каждый раз насколько неподготовленной, чтобы не выйти и не поделиться своими знаниями со всем классом. Но, если протяжное «пожа-а-алуйста» всё-таки превращалось в «Пожа-а-арская», я краснела и бледнела у доски, мучительно ожидая, когда мне будет позволено вернуться на место. А он об этом знал и ждал, когда же я наконец-то перестану быть «рохлей» и научусь уверен-

но отвечать урок, который я выучила и знаю. Вот только тогда всё это воспринималось по-другому. И вместо того, чтобы научиться держать ответ и, возможно, удар, мне больше хотелось стать незаметной. Не научилась тогда, но понимаю теперь. Правда, в 9 классе я всё-таки поняла, что своими оценками и реакциями нас никто не хотел запугать.

Случилось это неожиданно. Когда вместо вытекающего «тройка» по результатам четвертей, ЮБ поставил мне совершенно неожиданную годовую «четверку», с которой я спокойно перешла в старшие классы. И сказал мне слова, которые тогда невероятно подняли мою самооценку и открыли глаза на простую истину: всё это время ЮБ хотел научить нас не бояться, а бороться.

Он готовил нас к непростой и не всегда справедливой «взрослой» жизни. Путь несколько эпатажно, но очень

доходчиво он развивал в нас личностей, которые по праву и с достоинством смогли бы представлять класс образованных людей...

Кто бы мог подумать, что в результате моя профессия будет напрямую связана со словами

и использованием всего богатства средств выразительности русского языка? Сколько раз я вспоминала добрым словом ЮБ, осознавая, что именно он сыграл решительную роль в определении моего будущего? Каким богатством он наделил каждого из нас, воспитывая в нас уважение к родной речи и принадлежности к образованному сословию людей, которые понимают, насколько это важно знать и гордиться языком, на котором ты говоришь. Ведь язык и правда определяет сознание. А умение выражать свои мысли открывает перед нами такие двери, о которых мы даже и подумать не могли в школьные годы.

Единственное, о чем я жалею, что оценила я этот дар слишком поздно. Что не там я ставила по юности акценты. Что не успела узнать и оценить весь масштаб личности Юрия Брониславовича тогда, в школьные годы. И что не сказала ему главное: «Спасибо за урок!»

Мария Зененко,
выпуск 1998 года

Он учил нас быть лучше

У каждого из нас есть учителя, которых мы никогда не забудем: каждый из них привнес что-то особенное в нашу жизнь. Но есть учитель, который вспоминается больше остальных, который чаще других возникает в мыслях, воспоминаниях, раздумьях...

Для меня таким учителем был и остается Юрий Брониславович Пирятинский. Во мне живут его фразы, советы, шутки, выражения, ставшие уже крылатыми. Это тот человек, который, сам того не подозревая, всегда присутствовал в моей жизни.

Так много слов было сказано о нем, о его характере, манере поведения, уникальном чувстве юмора, но то, что каждый из нас, его учеников, на самом деле чувствовал при общении с ним, вряд ли можно передать словами. Он не просто обучал нас, не просто рассказывал интересные истории или объяснял материал, он воспитывал в каждом из нас личность. Порой он был резок; мы обижались, плакали, но лишь потом понимали, что ни одно его слово не было напрасным. Он учил нас быть лучше, каждый раз совершенствоваться, стремиться к преодолению самих себя. Он всей душой переживал за нас, каждый был для него как родной, и, несмотря на всю его жесткость, мы чувствовали его любовь и отеческую заботу.

Помню, как однажды Пирятинский похвалил меня на уроке и сказал, что я написала диктант

лучше всех в классе. Смешно сказать, но я до сих пор горжусь этим. И не потому, что я хорошо написала этот диктант, а просто потому, что его похвала была для меня высшей наградой, важнее любой оценки, это как некий трофей, который с нежностью хранишь дома на самом видном месте.

Трудно поверить, что Юрия Брониславовича больше нет. Кажется, что зайдешь в 21 кабинет, а он сидит за столом, такой строгий, но в то же время такой род-

ной, такой, каким я узнала его в далеком 91-м и такой, каким запомню его навсегда.

И еще. Существует какая-то странная закономерность: смерть всегда забирает лучших. Знаете, самые красивые и яркие птицы тоже всегда первыми попадают под выстрел охотника. Наверное, они, просто, слишком ярко окрашены, чтобы долго оставаться в этом мире. Но они навсегда остаются в нашей памяти, как искорка красоты в беспросветной серой мгле.

Юлия Лукьянова (Иванкина),
выпуск 1998 года

Было ощущение, что он видит нас насквозь

Нам нужен был именно такой Учитель — яркий, сильный, строгий, справедливый, с потрясающим чувством юмора, — настоящий!

Школьные годы мне дважды очень сильно повезло. Во-первых, так сложилось, что с 1 по 11 класс я проучилась в родном красном здании по адресу ул. Пугачевская, д.6, благодаря чему школьные годы вызывают у меня исключительно позитивные воспоминания и эмоции. Во второй раз мне повезло, когда мы, первый гимназический 5 «А» класс, в 1991 году вместо привычных учительниц начальной школы увидели на линейке молодого, элегантного, очень уверенного в себе и спокойного учителя и услышали, что это наш Куратор — Юрий Брониславович Пирятинский. И с самых первых дней мы очень гордились, что именно он наш Учитель! Это чувство сохранилось на всю жизнь. Я думаю, что все его ученики готовы восторженно рассказывать о нем часами, при этом зачастую оставаясь непонятыми людьми, незнающими ЮБ лично. И в глубине души есть ощущение собственной избранности, что именно нам повезло быть его учениками.

Юрию Брониславовичу было важно не только научить нас русскому языку, ему было важно, чтобы мы развивались

в принципе, во всех направлениях. В непростые 90-е мы объездили практически все интересные с исторической и культурной точек зрения города европейской части России, побывали на всех известных спектаклях, на некоторых и не по одному разу, посетили множество музеев. В этих поездках мы ни на минуту не были без внимания. Везде — на экскурсии, в театре, в музее, мы чувствовали на себе его взгляд, не оставляющий вариантов — только смотреть и слушать!

Часто было ощущение, что он видит нас насквозь и знает нас лучше нас самих. И в поездках и в процессе учебы, благодаря постоянному присутствию ЮБ рядом, создавалось чувство защищенности, той самой каменной стены, за которой ничего не страшно.

Нигде, даже на итоговых экзаменах в институте, не было так страшно, как на обычном уроке русского языка у ЮБ. В гробовой тишине все сидели, не дыша и, замерев ждали, когда раздастся стальной баритон и назовет фамилию отвечающего. Странно, но после его гневных отповедей не оставалось негатива, обиды, чувства

несправедливости, появлялись лишь вопросы к себе и желание доказать и себе, и ему, что я смогу. И как ценно было услышать его: «Молодец!», этим непередаваемым голосом! — в этот момент самооценка взлетала до небес. Уверена, что в последующем обучении у учеников Пирятинского не было проблем с русским языком. С таким учителем быть неграмотным просто невозможно.

Наверное, не всем современным родителям понравился бы подобный стиль общения учителя со своими подопечными. Но нам, в тот переломный период нужен был именно такой Учитель — яркий, сильный, строгий, справедливый, с потрясающим чувством юмора, настоящий! Не могу говорить за всех, но про себя могу точно сказать, что Юрий Брониславович один из самых ярких людей, встретившихся в жизни, один из тех, кто оказал влияние на формирование характера и мировоззрения. Он научил нас всегда иметь свое собственное мнение, никогда не бояться высказывать его, уметь его отстаивать. Научил интересоваться, задумываться, работать над собой, видеть свои недостатки, не быть равнодушными...

Учитель не только для учеников

Я благодарна ему за то, что, воспитывая наших детей, он воспитывал и нас, родителей.

Ольга Александровна Карцева,
мама Дмитрия Карцева,
выпуск 2003

Какой же счастливый билет достался моему сыну и всем его одноклассникам! Какой умный, глубокий, порядочный, интеллигентный, красивый человек оказался рядом с ними...

Первое наше первое сентября в гимназии. Почти двадцать лет назад. Первое впечатление. Классный руководитель — невысокий, спокойный, подтянутый, элегантный; кажется, строгий. Учитель. Это — новое для меня, прежде всегда были только учительницы. Ну, посмотрим.

Первое родительское собрание в пятом классе. «Должен вам сказать, что вы поступили очень негуманно по отношению к своим детям, отправив их учиться в гимназию. Здесь им придется работать вдвое-втрое больше, чем обычным детям в обычной школе, и в пять раз тяжелее. Лично я своего ребенка сюда бы ни в коем случае не отдал». И по-

шло, и поехало... Дети должны то, должны это... А вы, родители, должны требовать от них... и требовать... и требовать... «Когда я учился в школе, моя мать заставляла меня по два-три раза переписывать домашнее задание, пока не добивалась, чтобы в работе не было ни одной помарки!» — и тон не оставляет вариантов: того же он ждет и от родителей своих учеников.

Я в ужасе — да что это, кадетский корпус, казарма?! «Очерки бурсы» какие-то... он бы еще про телесные наказания тут! Но при этом — прекрасная речь, уверенная, четкая интонация; заслушаешься просто. Ладно, посмотрим. Сколько-то проучились; на одном из следующих собраний, осмелившись,

подхожу спросить: как там мой сын, как впечатления? Ответа заранее опасаясь, но «я-же-мать», куда деваться. Смотрит на меня; молчит. Потом, будто бы подбирая слова: «Да в общем неплохо... но у вас дома, наверное, очень демократичная обстановка?» Я все понимаю: «Что, ребенок хамит?» — «Да нет, не хамит. Просто не

чувствует дистанции между собой и учителями».

Я что-то неуверенно мямлю, оправдываясь: ну да...видите ли, мы старались с самого раннего возраста объяснить детям, что они имеют такое же право на собственное мнение, как и любой другой человек, независимо от возраста... — но

быстро замолкаю, понимая: не одобряет. Нет, не одобряет.

А потом — многочисленные поездки детей с Пирятинским в разные города, провожания на перроне: «В поезде вести себя и-де-аль-но; помните: я должен дремать!» — и у нас, провожающих, ни малейшего сомнения нет в том, что так и будет, и только так. Другие какие-то мероприятия и рассказы о них, еще родительские собрания — проходит какое-то время, и я понимаю, какой же счастливый билет достался моему сыну и всем его одноклассникам. Какой умный, глубокий, порядочный, интеллигентный, красивый человек оказался рядом с ними в один из важнейших для формирования личности периодов: в их отрочество.

Я благодарна Пирятинскому за то, что всегда знала: он разделяет со мной ответственность за воспитание моего сына. То, каким вырос мой сын (а это едва ли не самое важное для любого родителя, я думаю), каким человеком он стал — половина тут от его Учителя; если не больше. И это точно — не худшая половина.

Я благодарна ему и за то, что, воспитывая наших детей, он воспитывал и нас, родителей. Бывало всякое, и разное приходилось от него выслушивать: воспитание — дело такое. Но я точно знала: я всегда могу ему доверять. Я думаю, что мне тоже очень повезло: мне в жизни случилось быть знакомой с Ю.Б. Пирятинским, настоящим Учителем.

Он был очень хорошим человеком. Спасибо Вам, Юрий Брониславович.

О.А.Карцева и Ю.Б. Пирятинский, 2003 год

Generation Пири

Сначала мы звали его «Тот, имя которого нельзя называть», потом сокращенно «Ю.Б.», потом перешли на ласковое «Пиря». Не сразу, не думайте. Были те, кто не доучился до второй стадии: испугались, забрали документы и ушли в другую школу.

Зера Черешнева (Кукутидзе),
выпуск 2008 года

Медленно оборачиваемся и видим ЕГО. Гробовая тишина. Он медленно обводит всех суровым взглядом. «Позор!» Нам очень стыдно. Нам страшно стыдно...»

Все началось со страха, недоверия, дискомфорта, гнева, обиды и сопротивления. Непростая градация чувств к самому важному учителю в жизни...

Одна из первых поездок. Вечер. Перерыв между экскурсиями. В отеле полный порядок, ни звука. Веселья хочется страшно. Кто-то увидел, что Молев и Пириятинский вышли на вечерний променад. Начинаем операцию «свобода»: звоним в номера друг другу, выбегаем в холл, бесимся, одна половина прыгает на диванах, другая танцует, в сеансе группового психоза участвует человек десять. Мы с Патрисией Рохас начинаем плясать тарантеллу, исполняя акробатические этюды, и в этот момент замечаем, что на лицах прыгающих застыл ужас. Медленно оборачиваемся и видим ЕГО. Гробовая тишина прерывается чьим-то чихом. Он медленно обводит всех суровым взглядом и выдает короткую речь в стиле «Позор...» Нам очень стыдно. Нам страшно стыдно...

Вообще, у него было несколько выразительных взглядов, которые мы считывали молниеносно. Самый популярный назывался «Что здесь происходит?», после него все движения прекращались, разговоры

умолкали, и все делали вид, что этого эпизода в их жизни не было. Другой «Как ты посмеял, вошь презренная...» применялся к определенному провинившемуся. После этого взгляда нужно было смотреть в пол и слушать строгий выговор, не пытаясь оправдаться. Были еще «Вас не существует», «Пшел вон» и «Что случилось, прекрасное дитя?» — последний доставался лишь избранным.

Каким-то непостижимым образом Пириятинский всегда появлялся рядом в самые «пикантные» моменты. У него как будто был встроен радар на детские шалости. И вот однажды, обсуждая эту его феноменальную способность, мы с Ксюшей Шандаловой решили проверить, сработает ли. Ксюша, как самая смелая, начала первой: «Пиря дурак, Пиря дурак, Пиря дурак...» Доли секунды, и он вырос за нашими спинами. Как? Никто не понимал...

Он не был идеальным учителем. Беспощадно давил авторитетом, знал слабые места каждого, не стеснялся нажимать, прилюдно стыдил за грешки. Двойки разлетались по классу, как серпантин, щедро ставились и единицы. Моей соседке по парте, ныне близкой подруге, он как-то поставил жирный ноль с криком: «Вы необ-

учаемы!!!» В общем, жуткие вещи творил с точки зрения гуманности. А еще видел всех насквозь. Родители его за это уважали, мы боялись.

Он очень любил давать прозвища. И если вам ваше прозвище не нравилось, это было вашей проблемой, главное, чтобы оно нравилось Пире! К примеру, до встречи с Ю.Б. я думала, что мне просто не повезло с фамилией, после, поняла, что надо ее менять. Фамилия и правда была звучной, она начиналась на «Куку...». И если кто-то в классе не мог ответить на его вопрос, он ставил человека на «таймер», повторяя «тик-так, тик-так, тик-так», выжидающе смотрел на меня до тех пор, пока не произнесу «Ку-ку».

Самое нежное прозвище было у Славы. Его мы, благодаря Пире, называли «СлавУшка, два ушка». Слава пришел к нам в 8-м классе и с учебкой у него не складывалось. Пиря ему так вкрадчиво на каждом уроке и говорил: «Славушка, переходи в другую школу, я тебе оценки хорошие нарисую...» Надо признать, Пиря был человеком слова. Оценки он Славе нарисовал. Слава, кстати, ушел в медицинский колледж и стал акушером-гинекологом.

В девятом классе воспитательный период закончился, строгий родитель ослабил железную хватку. Надо отдать ему должное, вся дурь из голов к тому моменту уже выветрилась. Мы, наконец, поняли, что он все эти годы делал: прививал мораль через «не хочу» и искренял гнильцу.

С тех пор всегда и во всем он был на нашей стороне, и с ним нам

было море по колено: пропущенные по неясным причинам уроки, проблемы с физкультурой, неловкие моменты в отношениях с родителями... Пиря мог уладить все, и мы этим нагло пользовались. Поездки, посиделки, разговоры в каморке, жизненные советы... Ушли из школы с чувством, что встретили лучшего учителя на свете...

Плохие новости всегда приходят неожиданно. Сообщения в соцсетях, в телефоне: «У Ю.Б. случился инсульт». Паника, обзвон одноклассников, обсуждения. Почему-то мы были уверены, что все будет хорошо, нас ведь так много, мы точно все исправим: соберем столько денег, сколько будет нужно, найдем хорошего врача, Пиря поправится, отучим его от всех вредных привычек, он возьмет новый класс и вырастит еще одно «Generation Пири»... Первые вести из больницы. Собираемся поехать к нему в гости, но он не хочет никого видеть. Ладно, думаем, подождем, пока поправится. А потом звонок: «Пиря умер...» Молчание, и на обоих концах провода холодная рука печали цементирует маленькую дверь. Поздно...

Боль, пустота, досада, злость. В голове только дым от «Тройки» и «Беломорканала», он всегда сушил свои сигареты на батарее. У него была одна куртка, одни брюки, один свитер, но последние два года на переменах он кормил нас красной икрой. Все для нас. Весь для нас.

Как-то он навеселе вручил мне перстень и несколько фото из молодости. Пыталась вернуть обратно — сокровища ведь, не взял. Велел хранить. Храню.

Остались сотни нерассказанных историй, тысячи недосказанных «спасибо», с десятком праздников, на которые мы могли бы прийти к нему. Его дни рождения, на которые, по традиции, дарили бы что-то безумное, чтобы его удивить, а потом просто нужное, чтобы у него все было хорошо.

Постоянно мучает ощущение, что мы что-то не успели для него сделать, что-то упустили. Еще осталась уверенность: с этой школой все будет хорошо. Просто потому что здесь жил и работал Ю.Б. Пирятинский.

«Минус 27» по Пирятинскому

Мне хотелось описать Юрия Брониславовича по своим детским воспоминаниям, таким, каким он остался в глазах школьницы. Потому что очень хочется, чтобы и дальше он оставался для меня тем сверхчеловеком, до которого невозможно дотянуться...

Глафира Михайловна Леонова,
учитель географии
(выпуск 2010 года)

Недостаточно было один раз заслужить положительное отношение к себе, его нужно было постоянно оправдывать

Довольно странно, но о Юрии Брониславовиче у меня осталось мало воспоминаний. Я даже с трудом сейчас скажу, сколько точно лет он у нас вел. Просто всегда казалось, что он вечен. Причем это было абсолютной уверенностью: он был задолго до нас, и, когда мы уйдем, он все равно всегда будет. А зачем фиксировать в памяти мелочи, связанные с тем, что будет вечно? Всегда сохранялось ощущение, что ты можешь заглянуть в Гимназию через десять, двадцать, сорок лет, а он точно так же будет ходить по коридору третьего этажа своей пирятинской походкой, как и прежде, и ты будешь замирать при его приближении.

Я пришла в Гимназию в седьмом классе, и первый учитель, о котором я узнала из уст одноклассников, был, разумеется, Юрий Брониславович. Это имя произносилось с изрядной долей страха, подкрепленной неосознанным еще безграничным уважением. «А ты знаешь, кто у нас ведет русский язык? Вот это учитель! Он чуть ли не каждый урок ставит колы и минус единицы, а однажды поставил одной девочке минус 27!» Минус 27. Почему-то им была выбрана именно эта

цифра, и именно она теперь навсегда связана с его именем. Планка, которой никогда не достичь.

Что могла почувствовать семиклассница, оказавшаяся в новой школе в новой обстановке, при первом знакомстве с таким учителем? Смутно помню допрос с пристрастием, свой ужас и желание вжаться в парту и раствориться в прокуренном воздухе 21 кабинета.

А вот как раз обстановку 21 кабинета, того кабинета, я помню очень хорошо. В памяти осталось много деталей: вид из окна, жужжание ламп над доской, шкафы с фотографиями у задней стены и заветная потайная дверь, словно в логово дракона, к которой даже приближаться было опасно. За все время обучения в Гимназии я осмелилась постучаться в нее всего-то пару раз.

Хорошо помню, что перед уроком русского языка мы не спешили заходить в кабинет, а входя, ощущали легкий холодок, пробегающий по спине. Потому что каждый урок был вызовом твоей самостоятельности и судом над тобой без права оправдания. Но, несмотря на свой страх, мы относились к Юрию Брониславовичу с огромным уважением.

Причем, как мне кажется, это отношение к нему было оди-

наковым у всех: и у тех, кого он прикладывал на каждом уроке, и у тех, кого казнил время от времени. Мы были безмолвными рыбами и амебами, мы были предателями, мы были Брутами. Тем не менее, мы редко обижались на его метафоры, и часто они автоматически закреплялись за каждым уже вне 21 кабинета. И почти у всех был блокнот или отдельная страничка в какой-нибудь тетради, где записывались его изречения. Потом они сто раз перечитывались и зачитывались новичкам в качестве наидания и предупреждения. Только где они сейчас?

Он был человеком, не имевшим любимчиков, поэтому в особом почете находились те, кого он ругал нечасто, они же были и предметом зависти со стороны одноклассников. Помню, что, если Юрий Брониславович называл меня «Глашенька», это было наивыс-

шей похвалой, но этому нужно было соответствовать — ошибиться или ответить неверно было нельзя. Поэтому весь урок проходил в напряжении и волнительном ожидании обращения к себе. Недостаточно было один раз заслужить положительное отношение к себе, его нужно было постоянно оправдывать.

В поле его внимания всегда попадала каждая деталь: коса на голове вместо хвоста, не приведи господь покрашенные ногти, ноги, выставленные на порожек, у сидящих на первой парте, осанка... Ничего не оставалось без комментария. Мне везло, и я довольно редко попадала под раздачу. Из того, что мог высмеивать во мне Юрий Брониславович, вспоминается, например, любовь к французскому языку.

Он уже не вел у нас в 10 классе, но, встречая меня в коридоре вечером после дополнительных занятий, всегда интересовался, неужели я собираюсь посещать салон Анны Павловны Шерер и зачем же мне нужно «Parlez-vous français?». Но в старшей школе вообще любое обращение к тебе Юрия Брониславовича воспринималось, как похвала.

У него был прекрасный почерк. Удивительно ровный, четкий, округлый, будто одним штрихом характеризующий и его строгость, и искрящуюся в глазах иронию, и обычное спокойствие, и громогласные бури. Таким он и остался в памяти — необыкновенным. Возможно, воспоминания о нем приходят в голову нечасто — но он как драгоценный камень, хранящийся в шкатулке памяти и не имеющий себе равных.

С днем рождения, дорогой!

22 ноября 2015 года Юрию Брониславовичу Пирытинскому исполнилось бы 60. На самом деле, в этом предложении имеют значение всего две буквы и две цифры — «бы» и 60...

*Владимир Николаевич Рудаков,
учитель истории*

Нам всем казалось, что он вечный. Что, когда ни приди в школу, он все равно будет тут. Так казалось не только его ученикам...

Как ни странно, я услышал о его существовании, еще будучи студентом на истфаке. То есть до того, как узнал о существовании нашей гимназии. Со мной училось несколько ее выпускников, они-то и рассказывали, что у них в школе есть необычный учитель русского языка.

А увидел я его впервые, наверное, в тот день, когда Юре исполнилось 40. Тогда всю гимназию втайне от Пирытинского построили в рекреации второго этажа. Когда все построились, позвали Пирию — прямо с урока, чтобы поздравить его от лица всех обитателей красного здания. Пирытинский пришел и упорно делал вид, что ему не нравится столь пристальное внимание к его персоне. И вообще он против того, чтобы срывали уроки. Особенно его. Но против воли директора Анатолия Георгиевича Каспр-

жака, в прямом смысле слова построившего школу в честь Пирино юбилея, Юрий Брониславович пойти не мог. Поворчав, он дождался команды «Разойдись!», чтобы разойтись вместе со всеми.

Кажется, это было совсем недавно, хотя с тех пор прошло 20 лет. Нет, больше, чем 20 лет, — целая жизнь. Его жизнь...

Только сейчас понял, что мы с ним почти никогда не разговаривали по телефону. За все время знакомства — не больше пяти раз. Да и то в основном когда я звонил на городской в учительскую, а не ему самому. Он брал трубку — «Привет-привет» — и передавал ее тому, кто мне был нужен.

Мобильный у Пири появился позже всех: он не очень-то жаловал такие штуки. И очень гордился своей старомодностью. Даже после того как на

М.М.Геллер, Ю.Б. Пирытинский, В.Н. Рудаков, 2001 год

очередной день рождения ему подарили весьма продвинутый на тот момент телефон, Юрий Брониславович не отказывал себе в удовольствии на глазах у изумленной публики заворачивать мобильник в вырванный из тетради в клеточку листок, перематывая его резиночкой. Конечно, он был не от мира сего...

Помню, я долго не мог называть его по имени, хотя он, тоже долго называвший меня по имени-отчеству, в какой-то момент стал настаивать, чтобы мы перешли на «ты». В качестве компромисса решили, что перейдем не одновременно: сначала он, а уж потом, когда дозрею до такой фамильярности, и я.

Как ни странно это прозвучит, но при всей своей внешней строгости и напускной чопорности он многим позволял называть себя на «ты», и мне очень не хотелось записываться в их число. Потом, когда он и для меня наконец-то стал просто Юрой, я в душе смеялся над собою прежним, слишком долго и упорно называвшим его Юрием Брониславовичем. Даже летом в деревне, где это выглядело, наверное, совсем уж дико...

О том, что Юра любил разыгрывать всех и вся, много всего сказано и написано. Но, вспомнив о деревне, не могу не вспомнить и свой первый визит к Пирятинскому на отдых.

Я поехал к нему в деревню Горы, где Пиря проводил летние каникулы чуть ли не с подросткового возраста, без особого предупреждения. Он звал еще перед отъездом на дачу, и я обещал, что приеду.

Ю.Б.Пирятинский в деревне Горы (Озерский район Московской области)

В Горы я добрался затемно. В доме, в котором Юра на лето снимал комнату («светёлку», как он ее называл, потому что в комнате не было окон — она находилась как бы внутри старого деревенского дома), было полно людей: отмечали 80-летие Пириной хозяйки — бабы Симы, Серафимы Алексеевны. Пиря обрадовался моему приезду, потащил к столу, усадил на почетное место и вдруг отреккомендовал: «Знакомьтесь, Володя — помощник спикера Госдумы Селезнева» (в то время я совмещал гимназию с работой парламентским корреспондентом, и Пиря решил немного скорректировать мой думский статус). Минуты на три за столом установилась гробовая тишина...

Потом, конечно, гости расслабились. В какой-то момент я предложил тост за юбиляршу. Гул вновь наполнил дом бабы Симы, и, казалось бы, «проехали». Но время от времени я все-таки ловил на себе то ли недоверчивые, то ли удивленные взгляды подвыпивших

гостей. И абсолютно счастливый взгляд Юрия Брониславовича...

Он был абсолютно равнодушен к материальным ценностям как таковым, но при этом мог устроить настоящий скандал из-за денег. Нет, не из-за денег вообще, а из-за тех наменянных им в столовой новеньких — как будто прямо изпод печатного станка — десятирублевых купюр, которые он складывал стопочкой в своей знаменитой лаборантской.

Однажды мне понадобилось разменять, кажется, 50 рублей, и я по простоте душевной (благо отношения уже позволяли делать это без долгих предисловий) со словами «Юр, можно я разменяю полтинник?» потянулся к его стопке десятирублевков. Крика было на целую перемену. Оказывается, эти новенькие купюры предназначались Молеву, который, не имея еще в тот момент собственного автомобиля, время от времени вынужден был добираться на такси. Чтобы Антону Ильичу

было чем рассчитывать с таксистами, у которых вечно нет сдачи, Пиря и наменивал ему десятки, причем обязательно новые. Мятые и грязные — не для «этого негодяя», металлическим голосом пояснил мне Пиря, немного успокоившись.

Очень забавным мероприятием был переезд Юрия Брониславовича Пирятинского на дачу. Я несколько раз перевозил его самого и все его заранее (кажется, еще с марта или апреля) собранные строго по списку коробки и коробочки. Пиря располагался на пассажирском сиденье, в ноги ставил банку с водой, которая должна была служить ему пепельницей на протяжении ближайших трех-четырех (в зависимости от наличия пробок) часов. Он закуривал, мы выезжали.

У меня до сих пор перед глазами эти бескрайние приокские поля, подъемы и спуски, диковинные борщевики в человеческий рост по обочинам. Спросите, с чем у меня ассоциируется слово «воля», и я не задумываясь отвечу: с тем видом, который то и дело открывался нам с обеих сторон мчащейся за 100 км/ч машины. С тем разговором «ни о чем», который мы вели всю дорогу. С теми беззаботными шуточками, которыми мы обменивались по пути...

Как он смеялся! Однажды мы в очередной раз ехали к нему в Горы, и где-то под Коломной на нашу полосу неожиданно выкатилась здоровенная фура. Мы неслись прямо на нее. Но повезло — успели затормозить. От резкого торможения содержимое Пиряной бан-

Ю.Б. Пирятинский и В.Н. Рудаков, 2002 год

ки-пепельницы вылилось на пол моей машины. Видели бы вы, как Юрий Брониславович ржал над нашим происшествием! Особенно его, конечно, забавляло то, что перед выездом я предупредил: в машине не свинячить!

Он был очень трогательный. В марте 2012 года я вел историю в 11-м, кажется, кабинете. У нас только что — за день или за два до этого — родилась Маша. Вдруг дверь открылась, в класс заглянуло сияющее лицо Брониславовича: он крепко обнял меня, расцеловал, строго посмотрел на удивленных таким обращением девятиклассников (Романько, Гуляев, Гитарская, Шигарова, Киракосова и др.) и был таков. Я, растроганный и обалдевший, не сразу вернулся к лекции про Смутное время... Потом в учительской, реагируя на его вечное брюзжание «старого больного человека»,

совершенно не собираясь его подбадривать, я безапелляционно заявил, что очень рассчитываю на него как на учителя. И чтобы он не собирался на покой (а Пиря любил рассуждать о приближающейся пенсии), потому что мне хотелось бы, чтобы он учил русскому не только Варю и не только еще не поступившую на тот момент в гимназию Нину, но и только что родившуюся Машу. Пиря усмехнулся: «Я не доживу». Он всегда так говорил, он часто шутил на тему смерти.

Помню, я быстро сосчитал в уме: $56 + 12$ лет (возраст поступления в 5 класс) = 68. Возраст, конечно, пенсионный, но чтобы умирать — глупости! Да и разве на пенсии Пиря усидит? Ерунда! Глядишь, еще Машу поучит!

Кто-то из его учеников написал здесь о том, что всем казалось, что он вечный. Что, когда

ни приди в школу, казалось, что он все равно будет тут. Это так и было. И так казалось не только его ученикам...

В середине июня того же года он снова ехал в деревню. На этот раз его вез Молев. Обычно Пиря в день переезда всегда был немного на взводе. У Антона Ильича есть такое милое свойство: даже будучи около него, ты не всегда можешь оторвать его от накопившихся дел, от протянутых рук, от приятных разговоров. Время идет, ты, как дурак, ждешь, когда он сядет за руль, а он все где-то что-то доделывает. Мне кажется, в тот день все было как всегда. Пиря уже несколько раз зашел попрощаться в учительскую. Несколько раз после этого успел попить кофе. Пару раз туда же заглянул никуда не торопящийся Антон Ильич, и мы с ним мило побеседовали о том о сём. На удивление Пиря не злился. В этот раз он был весел, собран, как всегда, но не ворчал и не ругался. Он готов был ждать! И он ждал.

Потом что-то все-таки произошло: наконец-то они стали и вправду выдвигаться. «Все, поехал умирать!» — весело крикнул в дверь учительской Пиря и исчез за поворотом. «Дурак!» — по-моему, одновременно вырвалось у меня и у Ларисы Львовны Вишневской. Это была почти дежурная шутка Пири и наш общешкольный, почти дежурный ответ на нее. Он ведь часто шутил на тему смерти...

2 августа мы были на Селигере. Фотографировались всей семьей в дворцовых интерьерах. Пять абсолютно счастливых лиц! Вдруг позвонил Молев. Из Южной Кореи. Сказал,

что с Пирей в Горах случилась беда... Когда я смотрю на наши сияющие лица на тех фотографиях, сделанных буквально за минуту до того звонка, я последний раз убеждаюсь в том, как все в этом мире рядом...

Последний раз мы виделись с ним днем 24 декабря 2012 года — почти три года назад. У него в комнате стояла маленькая елочка, которую ему подарили Марина Николаевна и Григорий Борисович, когда навещали его накануне. Юра был совсем плох. Разговоров не было. Иногда он кивал, иногда смотрел на меня. Но чаще в сторону. На прощание пожали друг другу руки. В предыдущие мои посещения — наверное, на протяжении последних его нескольких недель — меня не оставляло ощущение, что вот сейчас я уйду и, может быть, мы больше не увидимся. В этот раз никакого предчувствия не было. Я ушел почти уверенный в том, что мы еще встретимся в новом, 2013 году. А утром следующего дня пришло короткое сообщение: «Юра умер»...

Спустя год мы создали премию имени Пириятинского. Думаю, прежде всего, нами двигало ощущение острой несправедливости. Даже не от того, что его нет с нами. Людмила Фроловна Иванова здесь правильно написала: каждому отпущено по силам и не нам роптать на судьбу. Несправедливым нам всем казалось то, что память о Юре может очень быстро улетучиться. И именно в отношении Юры это было бы особенно несправедливо! В конце жизни у него почти не осталось родственников.

Ю.Б.Пириятинский в деревне Горы (Озерский район Московской области)

У него была школа, в которой он прожил всю жизнь, но школа — это особая история.

Еще чуть-чуть — и из нее уйдет поколение тех, кого он учил. А потом еще чуть-чуть — и уйдут те, кто хоть что-то о нем слышал. Ведь школа, даже такая необыкновенная, как наша, — это не только дом, но еще и конвейер. В очередной раз провернутся блестящие шестеренки, и красное здание заполнится теми, для кого грозное и родное имя Пириятинского будет пустым звуком.

Чтобы этого не случилось, мы и создали эту премию. Мы верим, что тем самым продлим память о нем. Была такая замечательная передача на телевидении — «Чтобы помнили». Мы создали премию, чтобы помнили...

С днем рождения, дорогой! Спасибо тебе, что ты у нас есть!

ПИРЯТИНСКИЕ ЛЕКЦИИ

Полина Ивлева, лауреат премии в номинации «Человеческое измерение», 11 «А»

Когда меня попросили написать свои размышления по поводу премии имени Пирятинского и непосредственно о нем самом, я поняла, насколько это ответственно. Очень много слов было сказано до этого, и сложно что-либо добавить. А еще ситуация осложнялась тем, что мне не довелось учиться у Юрия Брониславовича. И я, к сожалению, только от других знаю о его таланте, манере ведения уроков, шуточках... Помню, как спрашивала у ребят из параллели, у которых он преподавал русский: «У вас Пирятинский? И как?» Отвечали, что не соскучишься, рассказывали, что уроки проходят необычно, но материал запоминается...

Конечно, память о человеке сохранится в сердцах людей, знавших его. Но я согласна с теми, кто считает, что важно рассказать о нем и другим, новоиспеченным гимназистам, не заставшим Пирятинского. Мне кажется, была выбрана интересная форма: награждать учеников премией в двух номи-

В мире есть островок, где тебе всегда рады

нациях «Русская словесность» и «Человеческое измерение». И если с присуждением первой все более или менее понятно (там хотя бы можно оценивать тексты), то со второй номинацией лично у меня возникают сомнения: выбор лауреата в «человеческом измерении» мне кажется довольно субъективным. Тем не менее, мне, конечно, приятно присуждение этой премии. Хотя бы потому, что благодаря ей, мне представилась возможность выразить слова признательности всем-всем, кто принимал участие в моей жизни за последние семь лет, что я провела в стенах нашей школы.

В 5 классе я с некоторой боязнью читала фразу на сайте: «Сегодня мы скажем, каким ты будешь завтра». Как, уже сегодня? Но ведь завтра так не скоро... А сейчас могу с уверенностью сказать, что здесь если не предсказали мое будущее, то точно его определили. И многое из того, что я знаю, умею, что у меня сейчас есть — все это благодаря этой школе. С гимназией связано мое взросление. «Мы все учились понемногу...» а так вот, в красном здании так нельзя. Гимназия учила и продолжает учить многому. Помимо знаний, здесь учат быть человеком. Учат, чему стоит доверять, а чему следует улыбнуться и пройти мимо, не замедляя шаг. А в какой момент нужно непременно оста-

новиться. И что важно, учат на собственном примере. Гимназия подарила мне друзей. Не могу не сказать об атмосфере, которая царит в красном здании и которой щедро делится гимназия — атмосфере невероятной доброты и уверенности, что тебе всегда помогут и придут на помощь. В 11 классе с подготовкой к экзаменам начинаешь отдаляться от школы, встречаешь новых людей, делишься впечатлениями... С удивлением обнаруживаю, что в других школах зачастую дело обстоит иначе. Что есть школы, где к ученикам относятся не так трепетно, а образованию подрастающего поколения уделяют меньше внимания...

Я также хочу сказать огромное спасибо моей семье и особенно маме, которая выбрала гимназию № 1505 для моей дальнейшей учебы. Мама меня всегда поддерживала. Ведь, и в школе случаются разные неудачи. И мама мне всегда помогала в таких ситуациях, объясняла, из-за чего не стоит расстраиваться, что нужно ценить и беречь. С тем фундаментом, который был заложен людьми, работающими в этом здании, совсем не страшно шагать в то «далекое и неизвестное» будущее. Потому что я знаю, что в мире есть островок, где всегда тепло, где тебе всегда рады. Гимназия, спасибо тебе!

Предлагаем вашему вниманию «Пирятинские лекции» лауреатов Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского 2015 года.

Софья Корсакова, лауреат премии в номинации «Русская словесность», 11 «Б»

Когда полтора года назад была введена премия имени Юрия Брониславовича Пирятинского, я подумала, что это, пожалуй, высочайшая награда, которую возможно получить на данном этапе моей жизни, и в следующем году стоит попытаться её получить. Во время вручения второй премии и моего «поражения» я осознала, что у меня осталась лишь один шанс и его нельзя упустить.

Поэтому, когда в этом году, на церемонии награждения, меня не вызвали на сцену в составе других номинантов, я испугалась, что недостойна даже упоминания в ряду творческих людей нашей гимназии. Но потом мелькнула мысль: «А вдруг это победа?» Может быть, выражение «время для меня замерло, минуты казались часами» стало слишком банально, однако могу заверить, так оно и было. Я стояла в самом конце зала, толпа чрезмерно высоких учеников явно не 11х классов закрывала вид на добрую половину сцены,

Я получила награду, о которой грезила целых два года

меня трясло от непонимания происходящего. Казалось бы, услышав первое слово в зачитываемом со сцены стихотворении победителя, нужно было успокоено выдохнуть и праздновать победу, но мне стало ещё хуже, и лишь стена спасла меня от неминуемого падения.

Получения красного кирпича — главного символа премии — оказалось ещё более сложной задачей, сказался страх сцены, и, только отвлечение внимания на другого лауреата, самую человечную в нашей школе Полину Ивлеву, наконец-то меня успокоило и позволило трезво оценить ситуацию. Я получила ту самую высочайшую награду, о которой грезила целых два года. Хоть в это до сих пор не верится, для меня это успех, это победа. Строки, которыми я начала «Сизиф», изначально задумывались как жалоба самой себе на очередное поражение:

*«Я попробую вновь.
Я опять не смогу...»*

К счастью, они не оправдались. Я очень благодарна той невероятной удаче, что решила встать на мою сторону. Я благодарна людям, окружающим меня в повседневной жизни. Я благодарна предыдущему поражению, которое дало мне идею для новых стихов. Я благодарна тем, кто принял решение подарить мне

эту победу. Юрий Брониславович был замечательным человеком, он любил своих учеников, хотя и в странной манере. К сожалению, я поняла это слишком поздно, ибо в класс его попала на полтора года позже, чем все остальные. Уроки русского языка пугали меня до полусмерти, хотя были и фрагменты, которые заставляли меня расслабиться и проникнуться атмосферой, созданной им.

Мне жаль, что лишь взгляд со стороны дал мне понять, что всё было не так уж ужасно. Увы, я не могу извиниться за свой страх, однако получение премии, названной его именем, ощущается мною как своего рода символ моего сожаления. Я благодарна Юрию Брониславовичу за всё то, что он сделал для всех своих учеников и коллег, за то влияние, которое он оказал и продолжает оказывать на всех нас.

Спасибо всем вам!

Общественная премия имени Ю. Б. Пирятинского

Лауреаты премии в номинации
«Русская словесность»

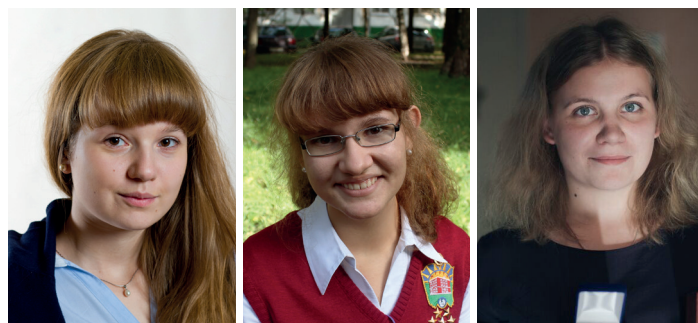

Виктория Буяновская,
май 2014

Алексей Макаров,
октябрь 2014

Софья Корсакова,
октябрь 2015

Лауреаты премии в номинации
«Человеческое измерение»

Екатерина Копыт,
май 2014

Анастасия Папанкина,
октябрь 2014

Полина Ивлева,
октябрь 2015

Премия имени Ю. Б. Пирятинского была учреждена в конце 2013 года. Пятнадцать учредителей, среди которых его коллеги, ученики, друзья, решили награждать этой премией гимназистов, создавших качественные художественные или научные тексты, а также тех, чьи исключительные личные достижения в общественной и педагогической деятельности, чьи важные человеческие свершения стали неотъемлемой частью гимназической жизни.

Премия вручается один раз в год, как правило, учащимся 9–11-х классов в двух номинациях — «Русская словесность» и «Человеческое измерение». За весь период обучения гимназист может быть награжден премией имени Ю. Б. Пирятинского только один раз. Выдвижение номинантов на премию завершается в конце сентября. Награждение производится в торжественной обстановке в День учителя.

Премия не предусматривает денежных выплат. За счет средств, собранных в премиальный фонд, лауреат получает возможность — абсолютно бесплатно! — принять участие в выездном гимназическом мероприятии (экскурсионной поездке, поездке на научную конференцию, походе и пр.).

Помимо этого лауреатам вручается диплом, памятный знак и лауреатский значок. Памятный знак — это символический ключ от школы с надписью «Премия Пирятинского», прикрепленный к красному кирпичу. Лауреатский значок представляет собой выполненную из серебра монограмму «ЮБ» — Юрий Брониславович. Этот знак можно носить на одежде.

Поддержать премию: Карта VISA (Сбербанк)
4276 3800 3712 5023 на имя Гончаровой С. В.
(казначей премии, выпуск 1985 г.)